

Читая поэтов Саратова...

Я не раз убеждалась, что лучшие комики — это наши саратовские поэты. Никакие «аншлаг»-шоу, анекдоты, выступления сатириков не вызывают у меня таких приступов гомерического смеха, как при чтении иных поэтических сборников, которые я систематически скупаю в наших книжных магазинах. Продавщицы глядят на меня изумлённо — нередко я являюсь их единственным покупателем. Но я не жалею на них никаких денег, ибо всё это окупается сторицей. Ну вы только послушайте, какая прелесть:

Читаю, мыслями распятый,
том Ленина пятьдесят пятый.

Я прочитала это Давиду за обедом. Он поперхнулся и облился супом. Мы смеялись до колик. Потом он внёс поправку:

- Надо было добавить: «Читаю Ленина раз пятый». Так вышло бы ещё сильнее.
- Смотри, а вот ещё один «распятый», - открываю я второй сборник.

Прости, распятый, заклеимённый,
корыстно преданный Союз.
Ты как на небо вознесённый
за муки Господь Иисус.

Дивное сравнение. Считается, что каждое сравнение «хромает», но не до такой же степени. Мне очень хочется поделиться с вами некоторыми перлами из моей уже довольно обширной коллекции. Ну вот хотя бы о том же Ленине:

Бросаю вызов крикунам:
А ну, на землю прыгай!
Ильич наш вам не по зубам,
и вон отсюда двигай!

И прочь! Не тронь, аристократ,
наш символ, наше знамя.
Не вынуждай брать автомат,
зажечь чтоб мести пламя.

Впрочем, сие уже не смешно. Но вот это уже поближе к современности:

Кто ж вам право дал такое,
господин Собчак!

Замахнуться на святое.
Ах, какой мастак!

«Так вашу растак!» — опять внёс Давид свою редакторскую коррективу. Тут уже я облилась компотом. Нет, это невозможно читать за едой!

Здесь я научен Родину любить,
как испокон веков её любили.

Кем же, интересно, научен? Уж не Малохаткиным ли?

Говорят, в капитализме
мы живём давно уже.
Только вот в национализме
задыхаемся мы все.

В «национализме» задыхается и другой автор:

Сожрут последний кусок хлеба
и о бессмертье говорят.
И рвутся за границу, где бы...
А сало русское едят!

(привет от Михалкова)

И, смеясь, наш демократ
поднял цены во сто крат.
Разорил до нитки Русь.
Сам поправился, как гусь.
Край родной, где я родился,
где, мужая, выросал,
где учился и трудился,
гражданином полным стал...

Это в каком же смысле — полным? В переносном или в том же смысле, что и гусь? Наверное, всё-таки второе, ибо в следующей строке читаем:

В ногу вместе со страной,
хорошея, прошагал...

Хорош гусь!

И снова в России, лукавя,
смердя чёрной кровью вранья,
царит кривоклювые бесправья
обжившего Кремль воронья.

Это уже не стихи, а прямо какое-то упражнение для логопедов. Попробуйте-ка выговорить этакое вслух! Читаем дальше:

И душу России
под платьем простым
всегда ощущаешь,
и веет родным...

Затрудняюсь, куда сей шедевр отнести — к патриотическим стихам или к стихам о любви? В данном случае надо разобраться, чьё тут имеется в виду платье и чем именно под ним веет?

Впрочем, что это мы всё о политике. Давайте лучше о любви.

Гори ж, душа, тоскуя,
и в прах себя губя!
В засосе поцелуя
безумие любя.

Ах, ты, прах тебя возьми! Страсти-то какие. Поэт восхищается любимой:

Когда ты разнаряжена, тогда —
ты королева!
Но и в халате старом — да! —
достойна быть примером.

Показывать пример в старом халате... Гм. Другой джентльмен, бестактно указав возраст женщины — «Вам сорок пять уже минуло», — одобрительно отмечает:

Но в целом Вы, как летка-енька,
устремлены вся к небесам.

Ещё одно сомнительное объяснение в любви:

Тебя я выну из огня
и все прощу обиды.
Ты для меня светлее дня,
лишь на тебя все виды.

Да что же это?! Где рыцари, мужчины? Или они разучились пылко любить и возвышенно говорить об этом? Ага, вот.

Не в силах осознать больная голова
цену потери женщины родной.
Отвергнутый, шепчу глупейшие слова:
«Дай ей Христос быть с ним счастливей, чем со мной».

Но ведь у Александра Сергеевича об этом куда лучше и короче: «Как дай Вам Бог любимой быть другим».

Мурлыкай на ухо, чтоб сладостно было,
чтоб сжались мурашки на коже моей,
чтоб томно внизу живота всё заныло
от ласки и нежности женской твоей.

Ну прямо не мужчина, а «облако в штанах», как говорил другой классик. Хочется, однако, чего-то крепкого, настоящего, истинной мужской страсти. Есть и такое:

По возрасту была почти что внучкой
она ему, и он был этим горд.
И так увлёкся он гулящей сучкой,
что отвернулся от привычных морд.
За трое суток, видно, ей наскучил
заботливый, матёрый серый пёс.
Она вильнула задницей вонючей,
и ветер запах по дворам разнёс.

Сталин бы, наверное, сказал: «Эта штука будет посильнее «Фауста» Гёте». Но я так не скажу.

Другой автор, сравнивая любимую с «твёрдым орехом», пишет:

Зубы я ломать не собираюсь,
и во рту моём не каменей.
Размочить тебя я постараюсь,
чтоб ты стала мягче и вкусней.

Хорошо хоть — не «замочить».

Грешен, Боже! Я в эту галеру
до ногтей и до копчика врос.

На любовь, на надежду, на веру
посылал я последний свой SOS!

Обычно посылают на... Но чтобы — «на любовь»? Это что-то новое в нашей лексике.

Ноги по горло увязли в созвездиях мрака...

Может быть, точнее будет — «по копчик»? Ещё один изыск того же автора:

Когда не ком — язык сквозь горло
влезал, порасперев все тонкости нутра...

Да, тонкости хоть отбавляй.

И к чертям всё: слова и такт,
и наскромничать не успеешь,
зацелую, затискаю так,
что сомлеешь.

Однако есть и такие, что «наскромничали» в любви:

Своей грубостью не покалечу
я твоих эrogenных святынь.

Провожу, не коснувшись рукою,
сексуальный не бросив намёк.

Но приводите девушек хоть сто —
мне на одну не хватит силы.

Не все, однако, так целомудренны:

А я не кончил, грубо говоря.
Кто следующий в очереди, суки?

Круто. Но есть и ещё хлеще.

Каждый раз она меняла позы,
вдруг мужскую ублажая власть.
В ласку лепестков раскрытой розы
всасывала бешеную страсть.

(Следует собственноручная иллюстрация автора).

Ведь в тех черновиках и потуги, и схватки,
и недоноски, и абортів пьяный бред,
и кесарева шрам, и прободенье матки...

Какое — надо же — знание гинекологии! Не отстают и женщины:

В этой сложной ситуации
остаётся без лобзаний
заниматься мастурбацией
на волне воспоминаний.

Другой автор назидательно поучает феминисток:

Не в том эмансипации значенье,
чтобы сверх сил мужскую роль играть.
Природное, святое назначенье
ваш организм обязан выполнять.

Чтобы реабилитировать женщин, приведу одно о чистой женской любви:

Не везло мне, по жизни шагая,
ревновала, не зная себя.
Моё счастье, пред чем я нагая,
упорхнуло, сгубила себя.
Так откликнись, любимый, где ты?
Появись хоть на миг, на часок.
Всё отдам. Прочь сомненья, наветы.
Любви чистой испью хоть глоток.

Тут невольно вспоминается фраза из фильма «Формула любви»: «Хочешь большой, но чистой любви? Тогда приходи на сеновал».

Я Вас люблю, и я не трус,
но каверзных наград боюсь,
чтоб над могилою не выпер
ни СПИД, ни сифилис, ни триппер.

Не разделил нас чёрною межою,
за искренность теплом ей заплатив,
она мне стала снова не чужою,
но всё ж использовал презерватив.

Незаменимые строчки в целях профилактики вышеперечисленных недугов.
Где-нибудь на плакате в поликлинике смотрелись бы весьма эффектно.

Истосковалась по теплу земля
и по любви, что извращают люди!
Не зря в ночи кручинится. Не зря.
Её душа в слезах от словоблудий.

Это уж точно. Вот только от чьих?

Тих погост... У холма
вновь стою сам не свой —
не сошедший с ума,
извращённый судьбой.

Каких только «извращений» тут не встретишь! Ну вот, например:

Над нами буревестник уж не реет.
Не угрожает комой коммунизм.
Жизнь дорожает. Люди дешевеют.
А возбуждает только популизм.

Такого, наверное, не прочтёшь даже у Фрейда. Это как же его называть:
«популифил», что ли?

Другой автор, тяготеющий к мазохизму, пишет:

Бывает, с досады и плачу,
на что не хватает и дня.
За любую свою неудачу
истязую до крови себя.

Себя — ладно. Но за что же истязать читателя?
Есть и стихи о любви к работе:

А я, конечно, огорчённый,
и на вожатого в злобе, (не открыл дверь — Н.К.)
душой глубоко возмущённый,
спешил, работа, лишь к тебе.

Ну что ж, работа таких любит. Другим не повезло:

Я оказалась сокращённой
с любимой должности своей.

А ведь была в неё влюблённой
до мозга собственных костей.

Она, желанием сгорая,
работу в руки вдруг взяла.

Несколько двусмысленно, но тоже, впрочем, похвально.
Встречаются благодарные посвящения. Вот одно из них — поэту
Н.Палькину:

Овладеть невозможно талантом,
если нету в нём чуткой души.
Нужно быть беспросветным педантом,
чтоб не сказать, как стихи хороши.

Рискую скорее прослыть «беспросветным педантом», чем высказать этокое.
Сейчас модно посвящать стихи губернатору. Вот одно из таких посвящений,
где автор подбадривает государственного деятеля:

Смелей сражайся — победишь!
Ты заложил к тому фундамент.
Ты лишь вперёд всегда глядишь
и выполняешь свой регламент.

Регламент, вообще-то, «соблюдают». Чтобы не говорить лишнего. Что-то
поэт явно напутал со словами.

Мы знаем, крепких ты пород —
звезда твоя так ярко светит.
Сгибайся, но иди вперёд —
нет дуба, что не гнул бы ветер.

Дуба можно дать, читая такое. В предисловии к сборнику этого автора
говорится: «В центре внимания поэта — выявление философского смысла в
самых подчас обыденных явлениях». Вот как он его выявляет:

Сильнее пистолета злой язык,
и он нередко убивает.
Пусть не всегда бьёт напрямик,
зато он в сердце попадает.

Язык, запавший, простите, попавший в сердце... Можете представить такое?
Типун, как говорится, на язык этому автору.

Ещё одно «философское» наблюдение:

Весь город на колёсах,
все мчатся: ритм таков,
как будто бы поносом
припёрло ездовых.

Иногда думаешь: учились ли эти «философы» в школе? Что у них было по русскому языку?

Вступающие в эту жизнь,
где точка вашей есть опоры?
Я каждому скажу: «Держись!»
А остальное — это вздоры.

«Вздоры» здесь на каждом шагу.

От людей снег расплавился в слякоть,
под ногами захлюпал водой.
И деревья вдруг начали плакать
от безумственных криков «долой»!

Не знаю как «от людей», а от себя скажу: убийственно написано! В смысле — безумственно!

Я запах счастья чувствую,
бегу туда стремглав.
Бегу я, весь захлюстанный,
всю радость счастья вняв.

Влюблённость к нам приходит и уходит.
Она ведь исчисляется на дни.

Желательно и вот что не забыть:
столба навряд ли сделать из песка.

Как там у А. Иванова? «Велик могучим русский языка».

Урожай порой обильный
на корню — всё без ума.
А в амбарах — мышь дебильный,
да труха, зерна нема.

Вообще с падежами и склонениями у этих авторов сложные отношения.

Так живи, доброту испуская,
будь счастливою, не болей.
Жар души, что тебя согревает,
поделись и живи для людей.

Да и с ударениями они явно не в ладах:

Я пришёл. Привет — сказал.
Но взглядом ты меня пронял.

Впрочем, после пресловутых горбачёвских «нАчать» и «углУбить» это
особого впечатления не производит.

Вы безнравственны и злые,
шепчет в ухо враг.
Отчего же вы глупые?
Не жуёте ль мак?

Думаю, что всё-таки не от этого.

Не губи мою душу, не рань!
Я и так до предела израненный! —

раздаётся вопль сердца из другого сборника.

Слишком много мятущихся душ
пронеслось пред моею судьбиною.
Был одним — и любовник, и муж,
а другим — безответной лучиною...

(«Дурачиною» — просится другая рифма).

Когда кричит душа поэта
и круче путь,
напрасно ждать от зла ответа
и плакать в суть.

«Плакать в суть», действительно, не стоит. Лучше в носовой платок.
Отплавав, поэт принимает мудрое решение:

Пойду влачить изгоем по Руси...

(«Где оскорблённому есть чувству уголок» — добавил бы Грибоедов.)

Меркнет жизнь из года в год,
чтоб воскреснуть и воздать.
И ликует идиот,
нож вонзая в бездну-мать...

Самокритично.

Порой я начал сам себе казаться:
тупица я и конченный болван.

Другой автор как бы поясняет причину этого:

Вся суть в одном: в НЕХВАТКЕ ЗНАНИЙ,
что по крупице, как нектар, берём.

Но отчего же так скромно, по крупице? Не оттого ли и появляются горькие строки:

Слабею. Деградирую. Тупею.
Во сне мычу, храплю и хохочу.

Сочувствую. Что тут скажешь? Следующий тоже делится своим физическим недостатком:

Не летаю — в потугах потею...

Ему вторит другой:

Хорошо о мёртвых петь,
восхваляя их, потеть.

И третий туда же:

Ленинград. Ленинград, колыбель Октября..
Ты в жару. Ты в поту. Что с тобою?

Да что ж это такое с ними, в самом деле? Что они все потеют? Впрочем, прошу прощения, не все:

А сосед мой на работу
побежал в лаптях, смеясь:

прелесть обувь: нету пота —
лучшей не носил родясь.

ТЬфу ты, опять!

Замёрз я от газетной прозы,
а от стихов своих вспотел.

В бреду, мольбах, слезах и поте
зачем в твою я душу влез?

Вот уж действительно. В поте — в душу. Фи. Это ещё хуже, чем «в галошах на бабочку поэта сердца».

В те часы шальные бурной встречи
и не только лоб вспотевший взмок,
потом облились мужские плечи
под давленьем длинных женских ног.

Кажется меня саму сейчас в пот бросит, читаючи. Бродский, помнится, писал: «Такие ноги — на мои бы плечи». А этот — вон куда! Самого Бродского переплюнул!

Ты ищешь, потея. И вдруг озаренье:
перо уж само по бумаге бежит...

Есть много стихов о процессе творчества:

Если нету искры божьей,
то стихи писать негоже.
Ну а делать-то мне что же,
если рифма прёт из кожи?

Давид, охальник, опять вставил шпильку: «И оттуда, где негоже». Мы уже буквально катались по дивану от хохота.

Поэт. Ты в мученьях рождаешь то слово,
что нужно, черня лишь страницы одни.
Чтоб вылепить образ под сению крова,
кроптишь, как учёный, забывшись про сны.

И долго он «кроптел», интересно, чтобы «вылепить» такое?

Потом за стол. Потом —
как гром, раскаты,
рекою напролом —
слова, цитаты.

(Привет от Пастернака). Другой поэт обращается к Музе:

Хватит! Боле, дорогая, тем не пой!
Ну, уйдёшь, придёт другая. Хрен с тобой!
По тебе не заскучаю — во! Божусь!
Я с кизилового чая обпишусь.
И другую до упрёка не спою.
Пошла вон! — не то и Блока «перепую».

Бедный, бедный Блок. Поэт делится секретами своей творческой кухни:

Я ведь как пишу стихи-то: как в прострел.
Как налито-недолито, как прозрел.
Как припрёт — забеспокоит, засаднит,
и почувствую, что стоит — так стоит
вот она перед глазами, злоба дня.
Рифмы к голове возами у меня.
Подъезжают, подъезжают, негде встать —
руки еле успевают разгребать...

Вот и я не успеваю разгребать эти златоносные кучи. Просто глаза разбегаются,
какой слиток выбрать.

Стих нужно доводить до совершенства,
как женщину до бешенства блаженства.

Если он и женщину так же доводит, как стих, — я ей не завидую.

Бумага жаждет потерять невинность,
когда над ней склоняется поэт.

Что ж, бумага не женщина, всё стерпит. Даже такое надругательство.

Я жизнь за то люблю,
что видел в звёздах небо.
Но свой талант гублю
на добыванье хлеба.

Может, не стоит губить-то? Пожалел бы себя. А главное — читателя.

Я не ворон, что падаль клюёт.
Я иная, я певчая птица.

Позвольте, но «птица певчая» — это же А. Пугачёва. Эта ниша у нас занята.

И ночь волчицей взобралась на плечи,
и разум поглотил глубокий сон.

Сон разума, как известно, рождает чудовищ:

Бесовий вопль
всё сотрясал вокруг... и разум
блуждал в бессилье по земле!
И вдаль взирал кровавым глазом
с печатью скорби на челе.

Бр-р! Страшно — аж жуть! А вот ещё жутче. Попробуйте вообразить себе эту картину — и вы содрогнётесь:

И мечутся тучи в развернутой мгле.
И боль искушеньем влачит по трактирам.
И бьётся Россия, как львица, в петле,
вонзаясь когтями в глазницы вампира,
в глазницы вампира.

А это уж другой автор (хотя можно подумать, что тот же самый):

Вновь над Родиной крыл сатанинских распяс.
Вновь вампиры голодной слюной истекают...

Дались им эти вампиры! Где они их только видали?
Впрочем, если вы устали от всех «словоблудий» и вселенских катаклизмов, то вот вам нечто более близкое к жизни, простенькое, незатейливое:

В среду явно повезло —
дали мяса два кило.
Шёл я, радостный, домой
суп варить себе мясной.
И, конечно же, жаркое,
очень вкусное, мясное.

Здорово пишет! Прямо слюнки потекли. Дальше описывается процесс приготовления:

Дома мясо я помыл,
кость от мяса отделил,
всё порезал, посолил,
в сковородку положил.
Приготовил лист лавровый,
корень я натёр хреновый,
лук порезал я ещё...

Думаю, достаточно. Дальше любая домохозяйка продолжит сама. Как говорил Хлебников, читая со сцены свои стихи, оборвав их на полуслове: «Ну, и так далее..»

Вот так штука: как-то раз
приобрёл я ананас.
В воде тёплой подогрел,
полпакета всё же съел...

Этот автор явно равнодушен к кулинарии. Он случайно не из кулинарного техникума?

Вот другой автор, и тоже на гастрономическую тему:

Вино должно рекою литься
с едой изысканной вприкус.

Не все разделяют его эпикурейские взгляды:

А в том магазине пиво навынос.
Бойко торгует детина в тепле.
А вскоре, глядишь, и домик уж вырос
в два этажа, да на лучшей земле.
Я протестую, чтоб ты наживался!
Хочу, чтоб честным всегда оставался!

«Протест принят», как говорят в суде. Но любопытно было бы послушать и мнение «детины» по этому вопросу.

Вот ещё один учит нас, грешных, уму-разуму:

Если тянет вас обогатиться,
если лучше хотите пожить, —

не шабашить, а нужно трудиться,
не буянить, а нужно творить.

Ну вот теперь наконец-то всё прояснилось насчёт того, как нужно. Спасибо, отец родной, вразумил.

Словно мухи сонные,
прячемся в домах,
а воры наёмные
бьют, не целясь, в пах.

Как говорится, не в бровь, а в пах!

Бывает часто, слушателей слёзы
мешают мне без слёз их вслух читать (свои стихи — Н.К.).
Прослушав и поплавав, сразу просят
их для своей души переписать.

Да, без слёз такое читать невозможно. Я долго думала, как же мне всё это богатство определить одной фразой. И вдруг у одного из поэтов натолкнулась как раз на такую:

Паралич души и мысли,
и во всём застой.

Умри, Денис, лучше не скажешь!
Надо сказать, что поэты не собираются успокаиваться на достигнутом.

Я многого ещё не выдал,
что так успешно накопил, —

предупреждает один.

Хочу издателя-злодея
поэмой дивной ублажить, —

грозится другой.

Сегодня обесценены кубышки.
Бесценные чтоб появились книжки —
я снова сел за синюю тетрадь., —

сообщает третий. Так что нас ждут новые стихотворные репризы. Вообще я бы

посоветовала этим авторам объединиться и давать совместно свои поэтико-юмористические концерты. Ручаюсь, люди ходили бы на них, как на Задорнова. Большие деньги могли бы брать.

Читаю поэтов Саратова...
Ну мыслимо это ли, братцы -
без разума, знания грамоты
за дело серьёзное браться?

Удел ваш не в этом, поверьте мне,
когда в голове лишь опилки,
и Муза на вас из бессмертия
не может взирать без ухмылки.

Потеют, склонясь над бумагою,
шаман, графоман, трудоголик...
Над вашими мыслей зигзагами
мы с мужем смеялись до колик.

Катались мы чуть ли не кубарем,
и стены дрожали от смеха.
Ребята! На вечере юмора
я всем вам желаю успеха!

P. S. На одной из лекций я позволила себе зачитать некоторые фрагменты из этой статьи. В зале оказался один из цитируемых авторов. После лекции он подошёл ко мне и обиженно заметил, что «вырвала его из контекста». Я вспомнила его контекст и мысленно содрогнулась. В голове моментально родился экспромт:

Поступила с ним бесчестно:
из контекста вырвала.
Но от этого контекста
вас бы вовсе вырвало.

P. P. S. Писалось всё это мною давно — в 1998 году. Но в свете публикуемого сейчас в Сети — отнюдь не устарело. Многие так и просится в мою коллекцию. А поэты, которых я цитировала, выросли, вышли «в люди». Почти все они — члены Союза писателей, победители многих поэтических конкурсов, возглавляют отделы культуры в местных газетах, активно печатаются, а один из них — тот самый заядлый читатель 55-го тома Ленина, он же бестактно вырванный мной из контекста — стал членом жюри Международного конкурса на соискание литературной премии имени О. Бешенковской. Вот так-то. Как писал классик: «Живи ещё хоть четверть века — всё будет так, исхода нет».